

Алексей Тенчой

Сила Шакти

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Т33

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Тенчой Алексей

Т33 **Сила Шакти / Алексей Тенчой.** — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 52 с.
ISBN 978-5-4490-4312-2

Варшавская газета от 1924 года:

РУССКИЙ СОЛДАТ 9 ЛЕТ ОХРАНЯЛ КРЕПОСТЬ!

Польской разведке было известно, что русская армия, отступая в 1915 году, не взорвала крепость Осовец, а направленными взрывами засыпала подземные склады. Несколько офицеров, которые первыми спустились в подвалы, выскочили оттуда с криками: по их словам, из темноты по-русски раздалось грозное: «Стой! Кто идет?» Это оказался русский, а его однополчане попросту забыли о нем, замуравив бойца аж на 9 лет.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-4312-2

© Алексей Тенчой, 2020

СИЛА ШАКТИ



Вокруг входа на склады сновали туда-сюда солдаты, таскали мешки и шнуры. Перешагивая через завалы, Иван, которому предстояло простоять в карауле на складах, тихо ругался — дескать, не порядок это, что за армия такая?! Саперы сквозь зубы отве-

чали ему, что приказы не обсуждают, а им некогда болтать — немцы наступают. В этих каменоломнях не портилась еда, хорошо хранилось обмундирование, но было очень холодно. Ивану нравилось охранять интендантские склады, можно было немного подремать в тишине и в прохладе. Время летело. Иван ждал, когда его сменят. Вдалеке слышались голоса саперов, которые через какое-то время стихли. На смену почему-то никто не приходил, а солдат, уже изрядно озябший в темном подземелье, где размещались склады, мечтал погреться на солнышке.

Вдруг раздался взрыв. Иван рефлекторно зажал уши руками. Затряслась земля под ногами. Оглушенный, он рухнул на пол. Прошло какое-то время, прежде чем солдат очнулся и ощутил себя лежащим на чем-то твердом, потом почувствовал запах сырой земли, пороха, дыма. Мысли его текли очень медленно, подняться сил не было. Иван вспомнил, что сейчас лето и идет вой-



на. Тогда почему же так темно и холодно? Потом он вспомнил, что его поставили в караул в интендантский склад, который находился вблизи крепости, в одном из ее фортов в подземелье, и вдруг раздался взрыв. А сейчас его окружала темнота. Солдат, было, подумал, что ослеп, но через несколько минут его глаза привыкли к непроглядной тьме и он, поднеся руку к глазам, увидел ее очертания.

Не помня себя от ужаса, Иван бросился

к выходу, но тот был завален кирпичами и камнями. Голосов не было слышно. В иступлении пленник принялся руками раскидывать камни, кричать, но все было напрасно, никто не отвечал ему.

Несколько часов ушло на то, чтобы растаскать в стороны камни, но огромные куски стены, которые он не мог сдвинуть, завалили проход, и солдат сдался. Видимо, саперы торопились, а потому забыли про него. Немцы были близко, когда был отдан приказ взрывать, и никто не стал проверять, есть ли люди в катакомбах. Это означало, что даже пусть таким трагическим образом, он избежал вражеского плена, но, по воле злого рока, теперь он заточен в этих складах. Все забыли о нем.

Каково оказаться заживо похороненным в глубокой и темной могиле? Отчаяние и ненависть охватили его. Но вдруг Иван подумал, что за ним могут еще вернуться. Саперы лишь завалили вход в склад, то есть войска собирались возвращаться, поэтому

они не стали уничтожать еду, обмундирование и прочее, что хранилось в этих подвалах. Размышляя так, солдат похлопал себя по карманам в поисках махорки и огнива. Ненадолго осветив помещение тусклым светом сигарки, он решил, что надо осмотреть склады, найти провизию и воду. Солдат поджигал небольшие кусочки ткани от своей портянки, и, освещая, таким образом, небольшое пространство вокруг, он нашел большие запасы сухарей, консервов и табак. Смерть от голода ему не грозила! Он нашел свечи. Приспособив кружку в качестве подсвечника, продолжил осмотр склада. На одном из стеллажей Иван обнаружил ворох старых листовок и газет. Судя по всему, это были листки с агитками про войну с Японией и очень много старых газет. Все это добро прекрасно можно использовать для сигарок и для того, чтобы устелить место под шинелью, где он планировал спать. Потом нашлась и вода. Стены подземного склада были влажными, в отдельных

местах по ним каплями стекала вода, и солдат расставил под этими местами кружки. Еще он обнаружил в своде тоннеля пробитую вентиляционную шахту — узкую и длинную, выходящую на поверхность земли. Через это отверстие брезжил тонкий лучик света. В дальнем углу склада обнаружилось новое обмундирование.

Иван занимал себя важными делами — обустроив место для сна, он продолжал исследовать склады, раскладывал в удобном порядке продукты, поднимал выше от мокрой земли сухари, которые начинали портиться, и отгонял от запасов крыс. Все же, несмотря на весь оптимизм и жажду жизни, через несколько дней на него напала сильнейшая тоска. Он почувствовал себя словно в могиле, которую никто и никогда не раскопает. И лучик света, что падал из вентиляционной шахты, не нес никакой надежды.

Мысленно похоронив себя, Иван вспомнил самого дорогого сердцу человека — свою невесту Машеньку. Она провожала его

на фронт и горько плакала. Солдат уговаривал свою любимую, объяснял, что служба есть служба! Долг есть долг! И рад бы остаться с ней, но это никак невозможно. Он обещал, что очень скоро вернется, и они совершенно точно обвенчаются. А у Машеньки по лицу катились слезы, которые она утирала мокрым носовым платком с прелестной вышивкой.

— Ванечка, вы мне обещайте, пожалуйста, вернуться! Я Вас очень прошу! Я совершенно не представляю жизни без Вас! — шептала Маша, продолжая плакать. — Вы знаете, у меня нехорошие предчувствия! — говорила она, — Мне все время кажется, что наступает конец света! Мне такие сны страшные снятся!

— Маша, ну что Вы?! Все будет хорошо! Уверю Вас! Я вернусь обязательно! Слово даю, клянусь честью! Все сделаю, чтобы вернуться!

— Я буду ждать, я буду считать каждый час, каждую минуту!

Слова любимой звенели в его ушах, солдат подбежал к завалу, схватился за нож, принялся, остервенело ковырять им землю, но пытаться рыть тут проход было все равно, что копать яму чайной ложкой. Он все время наткался на огромные куски упавшей стены, совсем выбился из сил и с досадой отбросил нож.

— Что теперь с ней? Где она? — волновался Иван, — Моя Машенька... А вдруг что-то случилось с ней? — думал он, а потом усилием воли гнал от себя дурные мысли, но на смену им приходили все новые и новые невеселые думы.

— Что с моими однополчанами? Обнаружили они мое отсутствие или нет и живы ли сами? И что теперь происходит там, наверху? — Хоть какой-то знак подай мне, Господи! — прокричал солдат, а эхо подхватило эти слова и разнесло по многочисленным тоннелям склада.

— И ведь если бы воевал! А то сижу тут, как крот в норе! — с досадой солдат пнул

ногой какую-то огромную бутыль, что стояла поодаль ото всех запасов склада.

Этот случайно найденный предмет заинтересовал Ивана. Оказалось, что бутыль, литров на 50, была заполнена самогоном. Хотя раньше он особо не увлекался спиртным, а вправду сказать, пробовал только раз — его угостили солдаты в окопе, перед боем, он решил выпить немного для согрева. Последние часы выдались особенно холодными, и сейчас его зубы стучали от озноба. Он с трудом наклонил бутыль, налил самогонки в кружку, и тщательно закрыв пробку обратно, отпил мутноватой жидкости, которая показалась ему безвкусной, как-будто бы это была вода.

Свернувшись калачиком на своей шинели, он провалился в сон. Во сне, к своему счастью, он увидел Машеньку! Они сидели в лодке, было лето. Машенька, одетая в какое-то светлое летнее платье, казалась необычайно прекрасной, волосы ее украшала атласная лента, а на шее красовались по-

даренные им красные бусы. Белокурые ее волосы обдувал ветерок. Иван, глядя на невесту, чувствовал, как волнами его захватывает счастье, и радостно улыбался ей.

Вдруг солнце словно начал поглощать темный туман, становилось все темнее, темнее, темнее, поднялся ветер, платочек с плеч Маши сорвало и унесло в небо. На воде поднялись волны, да такие большие! Он не сразу сообразил, что волны эти – от взрывов. Вдруг Иван оказался на берегу, а Маша – одна в лодке на середине озера. Она что-то взволнованно кричала, но он не мог разобрать ее слов. Раздалась пулеметная очередь, почему-то послышался гудок паровоза, стук колес, паровоз гудел все громче и громче, он надвигался прямо на Ивана. И тогда тот проснулся от приступа кашля.

Вероятно, пленник все же простудился. Он вспомнил, что в детстве его лечили, натирая спиртом. Поднявшись на ноги, зажег свечу, нашел кружку с самогонкой, которую не допил вчера, разделся и растер себе но-



ги и грудь. Оделся и задремал. Сквозь сон ему привиделся странный человек. Он словно вырос из вороха газет, на которые

солдат накидал несколько шинелей. В необычной одежде, в длинной нелепой куртке, в широких штанах, с мечом в руках, этот человек, глядя на Ваню, покачал головой. Он молча разжег костер из газет и вынул откуда-то из куртки маленькую посудину – пиалу. Костер горел без дыма, а странный человек с маленькими узкими глазами и волосами, сплетенными как у женщин на макушке в пучок, грел на костре в котелке какое-то варево. Потом он налил это варево в пиалу, дал Ване выпить. По телу от горького питья пробежала странная дрожь, солдат согрелся.

– Теперь ты выздоровеешь. Я буду приходить рассказывать тебе, как выживать в этой пещере. Не часто, но буду. Хочешь, я покажу тебе, каким мир будет через 30 лет?

– Хочу.

– Смотри!

Перед изумленным взором Ивана будто развернулся экран, и его новый знакомый, только уже в другой одежде – зеленой

с пятнами — явно военной, предстал перед ним сильно помолодевшим и коротко стриженным. Этот странный военный пробирался через заросший лес мимо огромных стволов деревьев. Сверху свисали голые ветки, преграждая дорогу. Солдат рубил себе дорогу огромным ножом. Вдруг раздался гул и по небу пролетел самолет, но не такой, что Ваня видел совсем недавно, а с серебряными крыльями и намного быстрее движущийся по небу. Из него посыпались листовки. Солдат поднял одну из них. Каким-то образом Ваня сумел прочесть непонятные значки: война окончена и Япония капитулировала. И год, год он прочитал — 1945-й. На том сон и закончился.

Иван, стряхнув с себя остатки наваждения, проснулся, тем не менее, совершенно здоровым. И от уныния не осталось и следа. Лежа, он зажег свечу, и с агитационного листка на него посмотрел тот самый персонаж, что приснился ему во сне, тот, кто давал солдату горькое лекарство. Иван поднял

листок, и поднес ближе к глазам. Каким непостижимым образом он попал на этот склад, ведь та война закончилась десять лет тому назад?!

— Сколько же еще будет этих войн, — с тоской было подумал солдат, но вспомнив узкоглазого японца, почему-то решил больше не падать духом, а нести службу, что бы ни случилось. Ведь ему доверили охранять склад, и он, будет верен своему Отечеству и Царю. С новым бодрым настроением Иван оглядел вверенный ему склад в тусклом свете свечи. У него было все, чтобы дождаться, когда его раскопают. И он сможет найти в себе силы и волю жить в темноте. Дождаться тех, кто завалил вход на склад с живым человеком внутри. Иван нашел свою винтовку, разобрал ее, смазал тщательно маслом, начистив все детали, как следует, собрал обратно. Свеча почти догорела.

Единственное, о чем он предпочитал не думать — это о том, сколько дней прой-

дет до его освобождения из подвала, и до того как он вернется домой и увидит свою Машеньку.

Что бы ни потерять счет дням, Иван решил делать зарубки на стене, но вода, которая текла по стенам вниз, быстро смывала их. Солдат обнаружил это уже на следующий день. Тогда он решил, что будет аккуратно складывать ношеную одежду на стеллажи и надевать каждую неделю новый комплект. Во времени дня он ориентировался по лучу света, который видел в той самой шахте. Так он не потеряет счет дням.

Однако время под землей тянулось бесконечно долго и нудно. Порой приступы отчаяния накатывали тяжелой волной, особенно когда он отмечал, как растёт количество белья в стопках, и думал о том, что без смысла проходят его молодые годы, а ведь он, здоровый мужик, уже вполне мог иметь рядом не только любимую жену, но и как минимум пару замечательных ребятешек.

Охраняя провизию, Ваня начал вести са-

мую настоящую войну с крысами, которые безжалостно растаскивали такое ценное для армии продовольствие. Затаившись, он подкарауливал тварей, которые бегали по складу, и пытался охотиться на них при помощи ножа, представляя, что участвует в схватке с врагом государя, для которого несет свою службу.

Глаза Ивана за время, проведенное в темноте, стали зорче, дух был не сломлен, однако тело стало слабеть. Дело в том, что когда солдат понял, что завал разгрести нет смысла, перестал каждодневно ковырять камни и землю. А без физического труда тело стало терять силу. Чтобы поддержать его параллельно с охотой на крыс, Иван начал заниматься зарядкой. Он вспомнил, как его отец вычитал, что есть комплекс упражнений, укрепляющих тело и дух. И какое-то время отец и сын занимались ими, оголяя торсы и вызывая смех у домашних. Теперь пришло время вспомнить те занятия. Он даже выполнял жим от пола, качал пресс

и пытался вставать на голову и держаться в перевернутом с ног на голову положении как можно дольше.

Еще Иван вспомнил, как отец учил его совершать ритуал почитания предков. Этот семичленный ритуал ненадолго стал частью его ежедневных тренировок и путеводителем по духовной стороне жизни. Первая часть ритуала – оказание почтения. Иван представлял себе своего прадеда, которого помнил с раннего детства, окруженного многочисленными мужчинами – родственниками, учителями, которые заполняли небо перед ним, и затем оказывал им почтение. Бил перед ними челом, приглашал всех сесть за стол и мысленно всех благодарил за оказанную честь – продолжать род. Сложив руки крестом на груди, всем своим естеством выказывая свое глубокое уважение к старейшинам, Иван громко, во весь свой охрипший от постоянной сырости голос, произносил: «Мое почтение вам, господа!».

После занятий спортом Иван часто засыпал и сны ему снились такие, что наутро снова хотелось жить. Снилось ему детство, дом. Как они учили уроки с матерью. Вот так же тускло светила лампадка, за окном шел густой снег, хлопья валили не переставая. Сугробы за окном были такими высокими, что легко было строить снежные горки, а под праздники — и целые крепости. Вот этим они занимались с друзьями. Самая увлекательная детская забава — с утра до вечера кататься с горок и обкидывать друг друга снежками. Приходили домой промокшие, промерзшие, счастливые и бегом бежали к растопленной печке греться. Это так здорово — забраться на русскую печь и, укрыв ноги стеганным ватным одеялом, согреться об разогретье кирпичи. На печи было всегда тепло и уютно, казалось, что никакие беды не могут тебя коснуться. Будь хоть война, на печи всегда будет тепло, а крестная Груня достанет баранку, конфетку или еще что вкусное, припрятанное подальше

на черный день. Груня очень любила Ивана, своих детей у нее не было, потому к нему она относилась как к сыну или внуку. Но бывало, чересчур баловала сладостями, — тогда им обоим за то доставалось от матери.

— Груня, а если случится война? Что мы будем делать?

— Иван Федорович! — по имени-отчеству обращалась крестная к ребенку, — не болтайте-ка глупости! С таким оружием никто не решится воевать! Пулеметом-то ведь можно всех людей вмиг перестрелять! Кто же пойдет на такую глупость?! Завтра Вам учиться идти. Так что, сушитесь как следует. А после надо пообедать, да уроки подучить, матушка ваша жаловалась на вас, вроде как, стали в арифметике отставать!

— Да, там эти дробы... — обиженно тянул Иван.

Внезапно от сна его пробудил писк. Небольшая крыса пробежалась по мешкам с провизией, поднявшись на задние лапки, нагло посмотрела на солдата, что-то пропи-

щала, и побежала дальше. Иван снова провалился в грезы.

Приятные воспоминания, навеянные снами, сменялись приступами агрессии, и тогда Иван принимался ожесточенно копать завал, вытаскивая из него кирпичи и камни. Позднее он приспособил для этого штык. В надежде найти лопату он облазил весь склад, но не нашел ничего даже отдаленно на нее похожего. Только штык и нож были его инструментами, которыми он ожесточенно рыл землю. Потом, опустошенный, обессиленный Иван растаскивал ее по углам склада, а сам отправлялся спать. В спасительных снах и в дневных грезах к нему приходили мать и Груня, его детские друзья, сменялись времена года, расцветали яркими красками цветы и деревья, светило яркое солнце, и, конечно же, почти во всех снах присутствовала ненаглядная Маша.

Потом снова наступал очередной день, точнее — непроглядная мгла, сквозь которую едва заметно пробивался из шахты

тусклый луч света, сигналивший затворнику о начале нового дня. И, отсчитывая один за другим по семь дней, Иван находил в себе силы переодеться в новый комплект одежды, аккуратно стопкой сложить использованный, пересчитать их, чтобы знать время своего пребывания под землей. Каждый день он проверял и перекладывал запасы и снова принимался разбирать завал из камней, аккуратно, чтобы его самого не завалило камнями и землей.

Крысы, с которыми Иван продолжал бороться, начали поедать свечи. Солдат не мог позволить им лишиться себя источника света, но прожорливые зверьки по ночам грызли свечи и мыло. Уставший, замученный бессмысленной борьбой, он просыпался от тихого скрипа их зубов. Тогда Ваня стал плохо спать, а проснувшись, уже не различал сон и явь. Свечи он стал поднимать к потолку — придумал, как подвешивать их туда в коробках, но оказалось, что крысы умеют не только ползать по стенам, но и прыгать.



Борьба за свечи с быстрыми, проворными крысами оказалась трудной и становилась все более ожесточенной, потому что твари, питаясь складскими запасами, плодились все больше и больше. С грустью глядя на стопки одежды, которые Иван давно перестал считать, он думал, что когда еда закончится (хотя пока ее было еще прилично), то можно будет, есть крыс.

И вот тогда к нему опять пришел японец.

Ивану почудилось, что теперь он появился из дальнего темного угла склада. Снова он был одет в старую странную одежду, и волосы его были собраны в пучок.

– Ты опять заболел, друг мой. Ты слишком много жалеешь себя, так усердно, что можешь скоро лишиться рассудка. Я напому тебе урок твоего отца: ритуал – твое спасение. Про зарядку, отжимания ты и сам все понял, но про молитву ты забыл. Твой ум ожесточился, ты злишься на весь род людской, думаешь, что по их вине заперт под землей, в этом складе. Но ты ведь постоянно видишь во сне всех твоих родственников, твою невесту. Общаешься с ними, будто они живые. Ты же сам не знаешь, где ты живой – в своих снах или когда просыпаешься под землей на складе. И кто кому снится? Запомни, ты существуешь только тогда, когда веришь в себя. Во сне или в реальности вера тебя выведет. Как выведет меня, когда через пятьдесят лет я буду в одиночестве, исполняя свой долг перед

императором, скитаться в джунглях.

С того дня Иван не переставал каждый день исполнять тот ритуал, которому учил его отец. Теперь он тщательно готовился и посвящал не менее часа в день всем его частям:

Первая часть уже была описана ранее.

Вторая часть – «подношение».

Украшив самодельный стол консервами, Иван представлял себе, что подносит еду, а так же всего себя – свое тело, свои возможности и достоинства Всевышнему, а затем представлял, что он дарит всё это гостям.

Третья часть – «разоблачение неблагоприятных поступков».

Сначала Иван вспоминал бесчисленное количество телесных, словесных и мысленных грехов, совершенных с желанием принести вред другим. Проникшись духом полной открытости, он вызывал у себя чувство сожаления о содеянном зле, как будто, совершив эти поступки, принял яд. Создавал в себе

уверенное и сильное желание воздерживаться от таких действий в будущем — так, словно в противном случае он заплатит за них жизнью. Эти действия сопровождались глубокими осознанными думами, которые он по чувственному восприятию прогонял через свое осознание: «В глубине моего сердца, перед лицом всех моих родственников я разоблачаю все совершенные мною неблагоприятные поступки». Совершённое зло его отчищалось, прежде всего, через раскаяние, и чем больше он раскаивался, тем сильнее становилось его желание больше не грешить в будущем.

Четвертая часть — «восхищение».

Он старался всем сердцем восхищаться добрыми делами, как своими собственными, так и совершёнными другими. Радовался всему хорошему в этой жизни. Сосредотачивался на конкретных добрых делах — например, на милостыне. Вот, как и в этот раз, он не убил пойманную в клетку крысу, а, наоборот, стал ее прикармливать, попы-

тался сдружиться с живым существом другого вида, приручить крысу, выстроить с ней доверительно дружеские отношения, чтобы в итоге стать полезными друг другу в существовании, и назвал Машкой. Иван радовался тому, что он обладает человеческим телом и возможностью проявлять любовь и милосердие к существу более слабому, нежели он сам. А потом, Иван думал: «Я действительно совершил что-то хорошее». Вспоминал и радовался добрым делам других, и совершенно было неважно, наблюдал он их воочию или нет, испытывал радость от добрых дел, совершенных как собой, так и всеми остальными, избавляясь от зависти к добрым делам других, и от соперничества с ними.

Пятая часть – «просьба».

В просьбах Иван просил Ангелов Хранителей привносить благо во имя тех, кто страдает, в том числе, и во имя его самого. Так он надеялся, что их добрые поступки, силой посланной к нему энергии, откроют

дорогу на свободу.

Шестая часть — «мольба».

В своих мольбах Иван умолял родственников и учителей не покидать этот мир. Это особенно относилось к тем, которые учили людей, передавая им сокровенные знания рода, и теперь были готовы уйти в мир иной. Иван перечислял в уме всех таких знакомых.

Седьмая часть — «посвящение».

Вместо того чтобы стремиться к счастью и комфорту своему, Иван посвящал себя достижению высшей истины. Думал так: «Пусть мои поступки помогут прикоснуться к святости во имя всех святых».

Затем представлял себе, как вся Вселенная очищается и вручал ее со всеми мыслимыми в ней чудесами своим родственникам и учителям. Это подношение особого рода: он дарил всё, что можно пожелать, тем, кто учил любви, состраданию, тем самым укрепляя в себе способность, стать таким же.

Иван вдруг начинал молиться и за своих

врагов, по вине которых был заточен в подземелье. Он вдруг осознал, что и среди немцев, наверное, тоже есть такие же солдаты, как он, что у них есть жены и дети, которых они любят. И, в общем, скорее всего, война им так же противна, как и русским солдатам. Порой Ивану казалось, что молиться за своих врагов – это признак слабости, но потом он решил, что через прощение врагов он сможет освободиться из плена подземелья.

Спустя время, Иван вновь начал разгребать завал из камней, пытаясь сам спасти себя. Втыкая в землю штык, он думал, почему же за ним не приходят, что могло случиться такого, что так долго ни русские, ни кто другой не приходит откапывать склад. Он не мог даже предположить, какие события происходят на поверхности земли. За годы, проведенные в каменном заточении, солдат научился разговаривать сам с собой, он вслух отдавал воображаемым подчиненным приказы, сам себе за них от-

читывался, о своевременном выполнении, и, довольный объемом проделанных работ, распускал солдат на ночной отдых, оставляя подле себя лишь одного сторожевого, в обязанности которого входило охранять его сон.

Иван наслаждался чайком, кряхтел от удовольствия, которое вместе со спиртом разливалось по венам, согревало его изнутри, и, расслабляясь, прикрывал глаза, припоминая, как Маша смотрела на него. И теперь, сквозь долгие года разлуки, он нес в своей памяти ее образ и был верен ей точно так же, как государю, которому служил.

Изо дня в день, общаясь с Марией, Иван утверждался в ее ответном чувстве теплой взаимности, исходящей к нему. Именно перед ней Иван был бравым выхоленным военным, в чистой опрятной форме, всегда новой, с иголки, в начищенных жиром хромовых сапогах и винтовкой подле себя, которая, так же несла вместе с ним свой во-

енный стаж в преданной царю службе.

Со временем, крыска Машка, которую приручил Иван, привыкла к голосу своего хозяина, подпискивала ему в разговоре, внимательно слушала его бредни и песни, которые он орал во все горло, надеясь на то, что его, таким образом, кто то, да услышит снаружи. Но его никто не слышал, и в голове Ивана созрел другой план: он решил привязать к крыске послание к людям и выпустить ее на волю, но крыска не хотела убегать от доброго Ивана, и солдат оставил эту идею.

Теперь от скуки и чтобы не сойти с ума, Иван обращался и к своей возлюбленной Марии так, словно писал ей письма. Он рассказывал ей о событиях каждого прошедшего дня и старался рассмешить ее, а не пугать тяготами своей жизни. Это помогало ему упорядочить мысли и успокаивало. Он живо представлял себе, как она внимательно читает его послания, что чувствует, отзываясь сердцем на каждую строчку.

– Вчера, Машенька, я вспоминал, как отец делал упражнения для укрепления тела. Я довольно-таки преуспел в них. Теперь я могу делать стойку на руках, приседаю сто раз. Укрепляется и мой дух, и физическое тело, я вынес вчера на два мешка больше земли из завала. Кажется, скоро я уже выйду на белый свет и мы с тобою встретимся. Бога ради, Машенька, расскажите мне, как там, наверху? Как Вы? Живы ли, здоровы? Как здоровье Вашей матушки? Есть ли у вас пища и кров? Не ранены ли Вы? Порой моему сознанию здесь, в кромешной тьме, предстают ужасные картины! Я переживаю за Вас! Больше всего на свете!

Еще Иван вдруг понял, что забыл, как звучит его собственный голос, и решил, что надо разговаривать. Теперь он часами мог разговаривать с дорогими ему людьми!

– Мне так хочется скорее увидеться с тобою, но я ничего не могу сделать! Я пытался раскопать ножом завал, чтобы выбраться. Решил, что если буду копать каж-



дый день, то смогу освободиться хотя бы через год, но нет. Я наткнулся на металлическую дверь. Видимо, во время взрыва она захлопнулась и ее завалило землей. Поэтому все мои попытки тщетны. Машенька, больше всего на свете я хотел бы увидеть тебя. Но, увы, увы!

В минуты отчаянья Иван ронял горькие слезы, а та самая верная ручная крыса, ощущая тревогу своего хозяина, ползала по его груди и, успокаивая, пыталась заглянуть прямо в глаза.

Казалось, рассудок Ивана совсем пому-

тился. И подтверждением тому стало видение. Его ручная крыса превратилась в полуобнаженную женщину, с гривой черных, как вороново крыло волос, украшенную браслетами на ногах и руках, завернутую в шелка. Она танцевала по складу и словно не замечала Ивана, который от неожиданности ущипнул себя за щеку, однако, видение не исчезло. Иван, удивленный и испуганный, спросил:

– Ты кто? Почему ты полуголая?

– Я Шакти, супруга Шивы.

– А Шива это кто?

– Шива – это Бог-создатель и разрушитель Вселенной.

И тут Иван вспомнил, что в детстве видел странные картинки у своего отца в книге, и эта Шакти была очень похожа на богов Индии.

– Ты из Индостана?

– Да, я называю место, где я живу, иначе.

– И как ты сюда пришла? И зачем?

– Ты в прошлой жизни был индусом, по-

читал меня, как богиню. Делал богатые подношения. А сейчас ты сильно заболел, и я проявилась, чтобы спасти тебя. Я могу проявляться, где захочу и когда захочу, и немногие могут меня видеть. Ты видишь меня только потому, что у тебя есть кармическая связь со мной из прошлых рождений. Хотя ты не понимаешь половины из того, что я сказала.

Богиня рассмеялась, и склады наполнились рокотом и перезвоном тысяч колокольчиков.

Измученный Иван, который и вправду почти сошел с ума, смотрел на Шакти и видел, что она не отбрасывала тени. Он указал пальцем на пространство за ней и прошептал слово:

– Тень.

– Да, я не отбрасываю тени. Ты должен понять, что в этом мире все иллюзия: и ты, и этот склад, про который ты думаешь, что это твоя тюрьма. Нет этих стен и нет ничего, что ты видишь, и пространства нет. Есть

лишь сознание, которое может раздвинуть рамки обусловленности. Ты сам себя заточил в эту тюрьму, сам себя можешь выпустить.

А я пришла к тебе, чтобы ты вспомнил обо всем этом. И никогда не показывай пальцем на живых существ, этим ты оскорбляешь их!

— Так как мне выйти из плена подземелий? — Иван, даже в полубреду, смог определить главное для себя из всего, что говорила гостья.

— Пока ты не поймешь, что все, что тебя окружает — это пустота, все, что ты видишь — не существует, все, что ты слышишь — это пустой звук, запахи, которые ты ощущаешь — не существуют, еда, которую ты ешь — плод твоего воспаленного сознания.

— Как же мне это понять? Я же трогаю руками стену и ощущаю ее. Я не могу пройти через стену!

— Это всего лишь плен твоего физиче-

ского тела, страшнее — плен твоего ума. Пока ты не очистишь твой разум, твое тело не сможет освободиться.

Иван заплакал, он ощутил себя песчинкой, глупым и маленьким ребенком перед грозным мирозданием. Он вдруг понял, что никогда не покинет эту пещеру, потому что слишком глуп, и тратил свою жизнь на что угодно, но не на осознание тех истин, про которых говорила ему Шакти.

— О! — Обрадовалась Шакти его слезам — Похоже, ты начал вспоминать наши прошлые уроки. Твои слезы и твоя убежденность в том, как нужно провести свою жизнь — доказательство этому. — Делай усерднее упражнения, которые показал тебе твой мудрый отец! И размышляй о бренности бытия и вселенной! Помни о цели твоей жизни — понять, что твое сознание сильнее, чем весь материальный мир. Оно как свет может распространяться во все стороны одновременно!

После этих слов Шакти рассыпалась

на миллиарды ярких точек и исчезла. На мгновение она озарила ярчайшим светом все пространство, а Иван, ослепленный этой вспышкой, упал без чувств.

Проснулся он совершенно здоровым, будто разум его проснулся от долгого и мучительного сна. В своих размышлениях он вспоминал образ этой женщины и гадал — приходила ли она на самом деле или лишь привиделась ему вследствие его лихорадочного бреда. Но ее наставлениям он все же внял и усердно практиковал.

Иван решил продолжить копать завал вокруг двери, и прокопать вокруг землю. Главное, чтобы она не придавила его самого. Кирпичи вокруг двери тяжело выковыривались, и земля сползала под их тяжестью.

Свечи заканчивались.

— Боже, вот ведь и Суд Твой Страшный... — шептал вслух Иван. — Вот ведь, как получается, люди звереют и ничего в них святого не остаётся. Я вот сижу тут, как крот,

а там снаружи — сколько же душ полегло за это время? Как же страшно это все. Жили ведь мирно все, а теперь всем миром друг на друга готовы кинуться, не различая ни женщин, ни детей, ни стариков. Раньше ведь как было, выстрелил — убил врага, а теперь с воздуха сбросил бомбы — и нет полгорода, а то и целого города. И все, все в нем с землей сравнялось! Люди и дети малые, и старики, и животные, и все, даже не причастные к войне и политике — гибнут! Что же это, Господи?! Как же ты там, моя Машенька? Родная моя. Жива ли ты? Что происходит с тобою? Думаешь ли ты обо мне?

Иван в минуты нахлынувшей печали, вставал на колени и принимался шептать слова молитвы. Сначала за Марию, о которой вспомнил, потом за родных и близких, потом за всех, кто был там, на поверхности, за всех женщин и детей, за стариков и за животных. Он не мог остановиться, все просил прощения у Господа и у Пресвятой

Богородицы. В кромешной тьме он так ясно видел образы ужасов войны, которые происходили наверху, на земле, словно люди, которые представлялись, были здесь, погребенные вместе с ним в этой пещере.

И опять, в самую тяжелую минуту перед ним возник японец. В этот раз его одежда словно передавала значимость момента. Роскошные шелка одеяния переливались в тусклом свете, который давала свеча. Весь облик его говорил, что он — знатная и богатая персона. Волосы были уложены в какую-то немыслимую прическу. Иван не нашелся что сказать, но у него возникло сильнейшее желание преклонить колени перед гостем, что он и сделал. Этим он заслужил короткий одобрительный кивок от японца.

— Я хочу обрадовать тебя. Скоро ты выйдешь на солнечный свет. И огорчу — ты ослепнешь, хотя зрение вскоре вернется к тебе. Я хочу подготовить тебя и дать тебе наказ. Смотри!

Перед Ваней опять будто развернулся

экран и он с удивлением увидел человека, с длинными волосами и с длинной бородой, и с ужасом узнал в нем себя. Этот человек при свете свечи стоял на коленях и молился, совсем, как это делал Ваня все годы его службы на складах. И вдруг со стороны завала раздались странные звуки — будто скребли по камням, посыпалась земля и расширилось отверстие рядом с железной дверью. Из отверстия появился сначала факел, потом рука, которая его держала, а потом внутрь влез человек! Ваня подхватил свою винтовку и закричал:

— Стой! Кто идет?

Про себя он с удовольствием отметил, что человек с факелом не ожидал услышать в подземелье человеческий голос и даже выронил факел из рук, но тот не успел погаснуть от падения, гость снова взял его в руки и пытался разглядеть, кто с ним разговаривает.

— А кто спрашивает? — выкрикнул в ответ человек с факелом.

В наступившей тишине послышался лязг затвора винтовки — это Ваня, выполняя присягу, приготовился защищать склад.

— Ну, это просто черт знает, что такое! — воскликнул человек, — Ну-ка, солдат! Быстро говори, из какой ты части, назови свою фамилию! Ты как сюда попал?

Напряженная тишина застыла под старинными складскими сводами, лишь поблескивали штык винтовки в темноте, и, словно волчьи глаза гостя.

— Ты пойми, война-то закончилась давно! — догадался выкрикнуть он. — Уже и Российской Империи давно нет. Царя-то батюшку убили. Для кого ты склад охраняешь?

— За него, за царя-батюшку обещался воевать. Ему присягу давал! — прошептал потрясенный Ваня.

Штык его медленно стал опускаться, а человек воспользовавшись минутной слабостью солдата, сделал шаг вперед.

— Стой! Стрелять буду! — не сдавался

Ваня. — Вдруг ты врешь все! Не может быть, чтобы царя убили. Да как такое придумать можно! Ироды!

— Да поверь, все так, как я говорю. Оружие нужно, чтобы против тех иродов, которые его убили, диверсию устроить. Человек назвал фамилию полковника. Спросил, как зовут солдата, и знает ли он, сколько времени он пробыл здесь, под землей.

— Иван меня зовут, — ответил солдат. — Я заступил на пост десять лет назад, в августе тысяча девятьсот пятнадцатого года.

— Что же, Иван, закончился твой караул! Ты свободен и разрешаю оставить пост! — торжественно заявил унтер.

— Я мечтал об этой минуте годы! И мечтал плюнуть в лицо того, кто забыл меня в катакомбах!

В сердцах Иван бросил оружие и направился было к выходу. Но, одумавшись, поднял винтовку и, опираясь на нее, снова пошел к двери. Поравнявшись со своим спасителем, солдат покачнулся и начал

оседать на пол. Тот поддержал Ваню и помог выйти на воздух, в летний, залитый ярким солнцем лесок, и тут узник закрыл лицо руками и громко закричал. После десяти лет в подземелье, в полной темноте, освещенной лишь свечой, Иван, отвыкший от яркого солнечного света, просто ослеп. Все вокруг принялись успокаивать его, обещая показать хорошим врачам.

Экран свернулся. Потрясенный Ваня не знал, что и сказать. А вот японец говорил очень быстро, словно торопясь успеть сказать что-то важное.

— Ты пойми. Те события, которые я показал тебе — неотвратно приближаются. И ждать их осталось совсем недолго. А что будет после — вот это ты можешь изменить и выбрать сценарий. Ты можешь вернуться на родину, в которой уже и царя нет, и невеста твоя давно жена другого мужчины, и родители твои умерли. И сгинешь ты там, словно и не было тебя. Останутся от тебя только вырезки из газет — о подвиге рус-

ского солдата, что десять лет охранял склад. А можешь выбрать совсем другой путь. Ты можешь послужить людям, делиться своим десятилетним опытом выживания. Ты спасешь, таким образом, множество жизней. Ведь ты преодолел самое страшное препятствие — страх, именно он является причиной быстрой гибели человека в таких условиях. Ты взрастил в себе любовь к людям, научился искренне молиться за своих врагов. Ты научился признавать право на жизнь других существ — ты перестал убивать крыс за то, что они едят твои свечи и мыло. Я расскажу тебе сейчас, что жизнь человека не кончается с его смертью. Происходит перерождение, и мы перерождаемся каждый раз после смерти, и живем многие тысячи рождений, пока поймем те истины, которые ты постиг за эти годы. Я горжусь тобой, как своим учеником и предлагаю тебе учиться дальше.

Ваня, словно глядя на себя со стороны, увидел, как он кивнул в ответ на слова

японца. А его губы тихо прошептали слово «да»».

— Тогда ты готов. Жди.

Через некоторое время Иван услышал скребущие звуки из завала, и даже человеческие голоса. Он вытянулся, взял в руки винтовку и, опираясь на нее, ждал, пока не увидел, как осыпается земля и в завале возникает лаз. Потом из лаза появился факел, а следом за ним человек в форме.

— Стой! Кто идет? — со всех сил крикнул Иван, и его крик долетел до самых дальних закоулков склада. А на его груди под чистой гимнастеркой вздрогнула крыса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Измученного и ослепшего часового повезли в местную больницу. Доктора осмотрели его и, не справившись с болезнью, направили русского солдата в больницу в Варшаву. Там доктора сделали невозмож-



ное. Правильно выбранное лечение вернуло Ивана к жизни зрячим человеком. Сначала он стал слабо видеть одним глазом, потом двумя, и, наконец, зрение восстановилось. А потом русского солдата атаковали журналисты, и его история появилась на страницах варшавских газет. По словам бывших польских солдат, офицеры, читая тогда вслух статьи, говорили им:

— Учитесь, как надо нести воинскую службу у этого храброго русского солдата.

На этом и оборвались следы Ивана, ни-

кто не смог сказать, куда он уехал, когда его лечение было окончено.

Оглавление

СИЛА ШАКТИ	3
ПОСЛЕСЛОВИЕ	47

Алексей Тенчой

Сила Шакти